

Шефтсбери

Эстетические опыты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ш53

Ш53 **Шефтсбери**
Эстетические опыты / Шефтсбери – М.: Книга по Требованию, 2016. –
544 с.

ISBN 978-5-458-24026-0

Серия: История эстетики в памятниках и документах. Переводчик: Ал. В. Михайлов. «Эстетические опыты» Антони Эшли Купера графа Шефтсбери (1671 1713), выдающегося представителя английского Просвещения, посвящены вопросам эстетики и морали. Отвергая пуританскую догму о несовместимости красоты и добродетели, автор утверждает красоту здешнего мира. Издание содержит собственно эстетические сочинения из капитального трехтомного труда графа Шефтсбери «Характеристики людей, нравов, мнений, времен». Полный текст нескольких трактатов публикуется на русском языке впервые.

ISBN 978-5-458-24026-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНИЕ

Ал. В. Михайлов
Эстетический мир
Шефтсбери

7

МОРАЛИСТЫ
ФИЛОСОФСКАЯ
РАПСОДИЯ
состоящая в рассказе
о некоторых беседах
на темы природы
и морали

77

ПИСЬМО
ОБ ЭНТУЗИАЗМЕ
МИЛОРДУ *****

237

SENSUS COMMUNIS,
или
ОПЫТ
О СВОБОДЕ
острого ума
и независимого
расположения духа
в письме другу

273

СОЛИЛОКВИЯ,
или
СОВЕТ АВТОРУ

331

**ЗАМЕЧАНИЕ
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ
СЮЖЕТЕ
или
ТАБУЛАТУРЕ
ВЫБОРА ГЕРКУЛЕСА**

457

КОММЕНТАРИИ

484

Общий комментарий

484

Отдельные комментарии

520

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

537

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

539

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ МИР ШЕФТСБЕРИ

Философское творчество Энтони Эшли Купера, лорда Шефтсбери (1671—1713) до сих пор недостаточно изучено и недостаточно известно. Философ, произведениями которого восхищались и с которым много враждовали в XVIII веке, был совершенно забыт в XIX веке и только уже к концу столетия вернулся в академическую науку — историю философии, эстетики, литературы. Однако одного научного интереса к творчеству Шефтсбери было мало, чтобы он был освоен как живое явление эстетической мысли во всей своей исторической неповторимости.

Шефтсбери — представитель самого раннего этапа Просвещения; как источник просветительских идей он был заслонен для последующих поколений зрелыми философами-просветителями. Ф. Энгельс писал в 1847 году: «Если Франция поддерживала американскую республику в борьбе за освобождение от английской тирании, то Англия двумя столетиями раньше освободила голландскую республику от испанского гнета. Если Франция подала в конце прошлого столетия славный пример всему миру, то мы не можем обойти молчанием тот факт, что Англия подала этот пример на 150 лет раньше и что в то время Франция еще совсем не была готова последовать ему. А что касается *идей*, которые французские философы XVIII века, Вольтер, Руссо, Дидро, Д'Аламбер и другие, сделали столь популярными, то где первоначально зародились эти идеи, как не в Англии! Никогда не следует допускать, чтобы Мильтона, первого защитника цареубийства, Алджернона Сидни, Болингброка и Шефтсбери вытеснили из нашей памяти их более блестящие французские последователи!» *

Маркс и Энгельс помнили о Шефтсбери в ту эпоху, которая склонна была забывать о нем; они указали на место Шефтсбери в истории идей. У Шефтсбери и Болингброка нашло свое выражение *свободомыслие*, которое получило блестящее развитие во Франции.

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 385—386.

Между тем это свободомыслие, указывали Маркс и Энгельс, было плодом «носившей религиозный характер английской революции» *. Это замечание ставит Шефтсбери в определенную диалектику истории, в противоречивую историю идей.

Эти противоречия можно наблюдать и в самом творчестве Шефтсбери. У него «действительная форма материализма» остается «аристократическим, эзотерическим учением» **. И деизм и аристократизм философии Шефтсбери — отражение классовой позиции, которую занимал английский мыслитель, и не что иное, но именно эта своеобразная классовая позиция порождала внутренние противоречия его философской мысли.

Суждения Маркса и Энгельса о Шефтсбери содержат конкретные методологические указания на то, в каком направлении должно идти исследование философского творчества английского мыслителя в наше время. Только принципы диалектического и исторического материализма открывают истинный путь к познанию внутренних противоречий философской мысли Шефтсбери. Эти принципы противостоят и противостоят историко-философским методам буржуазной науки. Академическая наука конца XIX — первой половины XX века, например, в изучении Шефтсбери шла совершенно иным путем: эта наука создавала стилизованный и антиисторический образ Шефтсбери — как оторванного от реальности мечтателя и чистого философа, предвосхитившего в своем творчестве романтические и иррационалистические идеи конца XVIII века. И если для Энгельса философия английского мыслителя была действительной формой *материализма*, то ни один буржуазный исследователь не сомневался в том, что Шефтсбери — идеалист и, скорее всего, приверженец неоплатонизма (ср. ниже, стр. 58—65). Тенденции рассматривать философскую мысль Шефтсбери как «чистую структуру идей» не преодолены буржуазной историей философии и в наши дни.

Нужно помнить слова В. И. Ленина: «...в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии» ***.

Это высказывание Ленина в полной мере подтверждается, когда мы обращаемся к философии Шефтсбери.

И еще один важный вывод марксизма, никак не принимаемый по внимание буржуазной историей философии, должен быть положен в основу изучения Шефтсбери. Как писал Энгельс, «...философов толкала вперед отнюдь не одна только сила чистого мышления, как они воображали. Напротив. В действительности их толкало вперед глав-

* К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 7, стр. 220.

** К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 22, стр. 311.

*** В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 6, стр. 39—40.

ным образом мощное, все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности» *.

Этот вывод Энгельса — подлинный ключ к исследованию реальных противоречий философской позиции и философской мысли Шефтсбери. Именно у Шефтсбери крайне ощутимо расхождение между практическими корнями его философии, уходящими в глубь современной ему английской действительности, и ее направленностью на «идеальное», между развитием им традиционных философских идей и представлений и их осмыслением в духе новой эпохи, между действительным содержанием современной Шефтсбери эпохи и ее истолкованием в его философии, наконец, между самой сутью шефтсберианской философии и тем, как философ «воображает» себе суть и смысл своей философии.

Последнее противоречие у Шефтсбери выражено особенно остро; оно запечатлевается в многообразных, нередко сбивчивых и запутанных формах — это в первую очередь связано с тем, что Шефтсбери не просто высказывает и развивает те или иные философские идеи, но и истолковывает свой подход к ним, создает свой собственный «образ» своей философии и часто прибегает к образу и метафоре для истолкования ее смысла и содержания. Именно поэтому и необходимо тщательно исследовать сложное соотношение между действительным содержанием шефтсберианской философии и тем, как он себе ее «воображает».

Советский философ А. Адамян в своей принципиальной постановке вопроса об эстетике Шефтсбери справедливо писал:

«В отношении Шефтсбери, как и любого другого мыслителя прошлого, надо остерегаться понимать вне конкретных исторических рамок, вне существовавших в свое время и позже миновавших форм мышления не только их идеи, но и самую речь, образы, самый (человечный) смысл их высказываний... Сказанное особенно важно для таких писателей, как Шефтсбери, который излагал свои мысли не в стройной системе научного изложения, но в импровизационной форме записи идей — так, как они свободно, в вольном потоке, возникают и проходят в философично настроенном уме» **.

Вот этого единства личности и творчества, стиля и классовой позиции, мысли и образа — единства, которое с самого начала предстает в форме диалектически расслоенной, противоречивой, можно сказать, в форме одного-единственного, осуществляемого буквально во всем диалектического противоречия, — вплоть до самого последнего времени не

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 285.

** А. Адамян, Статьи по эстетике, Ереван, 1967, стр. 147.

могла представить себе буржуазная история идей, обращавшаяся к творчеству Шефтсбери.

Современный исследователь Шефтсбери не может не выяснить хотя бы в некоторых основных чертах внутреннюю диалектику Шефтсберми-мыслителя. Как говорил Ленин: «Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения» *.

1. ВНУТРЕННЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Философское творчество лорда Шефтсбери продолжалось немногим более десятилетия. Большой аристократ, вынужденный под светлым небом Италии искать спасения от гнилого лондонского тумана, вел, рано оставив политические заботы, жизнь частного человека, существование которого, праздное и неторопливое, было, однако, до краев заполнено идущим из глубины, как внутренняя потребность, философствованием о смысле бытия, об истине,— как склонен был и мог понимать тогда смысл, бытие и истину воспитанник Локка, ученик века Декарта и Ньютона, современник Лейбница.

Раздумья и рассуждения в уединении и на лоне природы — идеал не одного моралиста века Просвещения,— вдалеке от цеховой философии и богословия и шума столичной «интеллектуальной жизни», от совета нечестивых и заседания кошунствующих,— всякую мысль и всякое представление, как бы ни вырастали они из своего рода напряженной умственной деятельности и по-своему тяжелого труда, все создаваемое в таком безмерном и беспредельном досуге обращают в нечто досужее и лишенное внутренней обязательности и непреложности.

Труд, обращенный в удовольствие и необходимость самой души, духа, ни к чему не принуждаемого и не гонимого,— это благой и непонятный дар «мирового духа». Но это и дар несправедливый — по отношению к тем миллионам людей, чей духовный голод не был утолен и не был даже пробужден, заранее заглушенный монотонными тяготами существования — в громоухании «часового механизма» ** мировой

* В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 418.

** Эти слова — «часовой механизм» — не случайно стоят на этом месте. Излюбленное представление XVII века (Uhr-werck, clock-work), далеко не просто механицистское, встречающееся в частности и у Шефтсбери, оно для современников скрывает в себе бездны временного, а как таковое хранит и скрывает в себе и истолкование человека как социального существа: человек как винтик универсального механизма универсума. «Часы» — они часы времени и истории, но сами по себе вне времени и истории. Символ — сгусток социального смысла. Ср. стр. 33—34.

истории. Дар «мирового духа» — мимолетное осуществление социально неосуществимого. И в нем — хитрость мировой истории. Расплата — не только в физически мучительном состоянии, которое философ преодолевает стойкостью внутренних сил, но и, главное, — в поразительной эфемерности творческого результата. Но для истории идей не прозябание творца, но именно это последнее — хрупкость формы, в которую отливается созревающая идея, — единственно важно. Ломкость хрустала и красота — вместо той твердости, с которой утверждает себя выкристаллизовавшаяся в уме философа идея, идея, готовая презирать выражающие ее слова и даже в своем суровом облике остающаяся на века!

Шефтсбери, хрупкий и поэтический, не додумывающий до конца, не завершающий хода мысли, никак не сопоставим ни с Лейбницем, ни с Локком, ни с Декартом. И если Декарт наложил свою печать на дух времени, если само философское «новое время» до сих пор осталось картезианским «новым временем», — где тут место эфемерной красоте и досужему творчеству английского аристократа?

И однако «мировой дух», избирая хрупкий сосуд шефтсберианской мысли для того, чтобы влить сюда свое содержание, не совершал ошибки; и если коварная хитрость истории заключалась в том, чтобы в творчестве Шефтсбери открылись невиданные перспективы *гармонического* и утопического, но чтобы они тотчас же и закрылись, представленные как эфемерные и праздные, — то, по-видимому, эта хитрость истории находит и еще глубже. Именно самое исторически неосуществимое сначала представлено как осуществимое. Это осуществление — личность Шефтсбери. Шефтсбери вынужден вести существование отвлеченного от непосредственно жизненной деятельности философа или, говоря точнее, «философствующего» человека. Для него философия никогда не бывает профессией и обязанностью, всегда в ней только выявление внутреннего, так что тут заранее гарантируется согласие и гармония целостной личности и мыслящего «я». Но именно такое осуществление неосуществимого перечеркивается в своих итогах: каприз природы, поставивший человека в такие условия существования, обрекает самое производимую из такого источника философию на каприз, на каприциозность, на «капричию» как форму выявления мысли, или, пользуясь словами самого Шефтсбери, на форму *рапсодии*. Пока нет нужды в конструировании «сверху» той формы, в которой запечатляется мысль Шефтсбери, в ее априорном выведении из конкретных условий существования автора — из его социального места в обществе; достаточно просто сообразить, что пытаться придать своей философской мысли некоторую нарочитую системность, а изложению — особую последовательность, например, заставить себя прибегнуть к «геометрическому способу» изложения, принятому Спинозой, уже значило бы перечеркнуть самую первую ступень того диалектического ряда, о

котором идет здесь речь. Это заставило бы философа внутренне выйти из того состояния «обособленности», которое всякую философскую мысль погружает в атмосферу праздности. Нет никакого сомнения в том, что и такой выход тоже был возможен, — но тогда Шефтсбери уже не был бы тем Шефтсбери, который интересует нас сейчас, а приняв во внимание творческую потенцию этого мыслителя, можно смело утверждать, что тот, другой Шефтсбери был бы просто неинтересен для нас.

Коль скоро Шефтсбери, не изменяя себе и своему призванию, внутренне принял ту первую предпосылку и отождествил себя с формой своего существования и в этом смысле шел по течению, следуя той внутренней логике развития, которую подсказывало ему его место в обществе (допускавшее «как бы» свободу от общества), хитрость истории заключалась далее, как сказано, в том, чтобы доказать неосуществимость такого осуществления. Но неосуществимость осуществления может выразить в таком случае только одно — несущественность такого осуществления. Остановись все на этом месте, на этой ступени — и некая умственная посредственность пришла бы к самой себе, концы были бы сведены с концами и произведения Шефтсбери, его писания, остались бы в своей *праздности* неведомыми нам точно так, как сотни других тлеющих в архивах записок и «мемуаров».

Придать своей философии вид системы значило бы уже принять на себя некоторую *идущую извне* обязанность — долг, диктуемый самой сутью философии (а не сутью такого-то конкретного существования человека). Тогда философия была бы уже профессиональным исполнением своего дела и своего долга. В случае Шефтсбери это привело бы к противоречию между философией и его «модусом существования» в праздности — атмосфера мечтательного уединения исчезла бы, даже если бы Шефтсбери действительно стремился продолжить свое прежнее «курортное» существование больного аристократа. Философия стала бы уже формой труда, но трудом и трудным стало бы и само существование! Но этого-то распада Шефтсбери не допускает, или, вернее, он заранее пребывает в тождестве с самим собой — и, однако, это, и только это, тождество впервые рождает для нас, так сказать, уже объективный феномен «Шефтсбери». Но чтобы этот феномен был оформлен и внутренне сконструирован, требуется целый ряд диалектических ступеней, которые как бы сами собой и независимо от «автора» порождают этот феномен как совершенно особый, неповторимый тип философа.

Однако в истории философии существовала как систематическая, так и несистематическая форма изложения мысли, и потому может быть непонятно требование быть систематическим, которое как бы предъявляется философу и не выполняется у Шефтсбери. Но эти две «возможности» философского изложения никогда не существовали как

безразличные и нейтральные, как чисто формальные, между которыми можно было выбирать, они всегда существовали только конкретно, как данные «сейчас и здесь» — несистематическое отнюдь не непременно отрицает систему, но система или несистемность всегда есть показатель, с одной стороны, отношения философа к самой философии (как науке, труду, долгу и т. д.) — как фактор самоосознания философии в философе, с другой же стороны, положения философа в обществе и его отношения к обществу — как фактор самоосознания философа в своей философии*.

Системность или несистемность, бессистемность со всеми переходами между ними есть, таким образом, во-первых, глубоко смысловой аспект содержания философской мысли, а во-вторых, глубоко социальный ее аспект. Конечное значение ухода Шефтсбери от некоторых начатков систематичности и систематического изложения в самых ранних его работах (то есть в первой, опубликованной без ведома автора редакции «Опыта о добродетели», напечатанной в 1699 году) и бегства в своеобразное философское «*non-finito*» и царство художественного образа заключено *во всем целом* его философии.

До сих пор философия Шефтсбери пребывает еще в тесном кругу его существования как частного человека. Можно констатировать, что его философская мысль самым тесным образом спаяна с избранным им образом жизни. До сих пор такая философия — все еще только частное достояние своего творца. Двусмысленные игры истории вершатся на материале, кажущемся самотождественным и потому незамысловатым. И, однако, уже после этих двух ступеней диалектического

* Укажем на то, что неспособность Шефтсбери к системе и неспособность к системе современной буржуазной философии — вещи противоположного порядка. В современной буржуазной философии система может саморазрушаться в процессе, так сказать, имманентного самодвижения философской мысли, когда оказывается, что философские категории неспособны охватить мир и постигнуть его в его конкретности (Хайдеггер); но философия отступает перед действительностью и тогда, когда философ займет «радикально-левую» позицию: действительность абсолютно не завершена, поэтому постигать ее можно лишь путем бесконечно открытой диалектики отрицания (В. Беньямин, Т. Адорно).

Ясно, что несистемность философии Шефтсбери вытекает из других причин; в ней — теоретическая слабость раннепросветительской позиции, которая осознает свою задачу в том, чтобы философски освоить весь мир заново, с точки зрения принципа естественного разума (см. ниже, стр. 26—31); «жизненная» точка зрения толкает философа к построению метафорических образов (см. стр. 32), мешает строить систему понятий.

Для современной буржуазной философии система возможна, по-видимому, только при усвоении некоторого априорно заданного «образа мира». Ср. католицизм Алоиса Демпфа; он весьма показательно пишет: «Вся истина может быть высказана лишь в форме системы, поэтому отказ от системы означает отказ от философии» (Alois Dempf, Weltordnung und Hellsgechichte, Einsiedeln, 1958, S. 81).

оформления шептсбериянской философии во всей ее конкретной данности — перед нами «объективный» идейный, историко-философский комплекс в его зачатках.

Если воспользоваться образом, широко распространенным в XVIII веке, то такая философия, которая отражает внутренний склад личности, «я», оказывается *внутренним зеркалом** его душевного ландшафта.

Такое барочное «зеркало», заметим попутно, не имеет ничего общего с отражением психологического процесса, совершающегося в душе и понятого как непрерывная смена разных «душевных состояний» с бесчисленными и трудно уловимыми переходами между ними, с тысячью нюансов, с бесконечными мимолетными веяниями и дуновениями. Для Шептсбери и для его эпохи еще невозможно было раскладывать человеческую душу на бесконечный и постепенный процесс перехода от ощущения к ощущению, и только поэтому *внутреннее зеркало* человеческого существования не перестает быть *философией*, одной из ее форм. Человек в эпоху Шептсбери, человек кризисной поры, оставляющий и преодолевающий формы мировосприятия эпохи барокко, никогда не предстает каким-то «импрессионистическим» человеком по Липссу или Бергсону. Для такого психологического разложения он еще не созрел, его внутреннее, «душа», мир чувств тоже еще недостаточно укоренились *внутри* его. Человек в эпоху Шептсбери — гораздо более «дискретен», его внутреннее заведомо объективировано в существующих как бы заранее и независимо от него эмоциях и аффектах, — между ними он может разрываться, но ведь «между ними» — это уже процесс, как бы совершающийся во внешнем пространстве; он, внутренний, не введен, однако, внутрь «души».

Что же отражает внутреннее «зеркало» Шептсбери? Разумеется, не психологический процесс. Будучи зеркалом философским, оно все конкретное, относящееся к «душевной жизни» одного человека, необходимо представляет как всеобщее: «мое» чувство — это общезвестный, описанный, риторически закрепленный «аффект». «Мой» психологический процесс заведомо связан с так или иначе понятым бытием и так или иначе понятой истиной. Шептсбериянское внутреннее «зеркало» истолковывает человека, отождествляя совершающее-

* Для сложных процессов «объективирования» внутреннего во внешнем, для складывания понятий «внутреннего мира» («внутреннего пространства») с его разными аспектами (еще у Мейстера Экхарта) важен мотив *зеркала*; его встречаем у Шептсбери в «Солянокви», и он здесь одно из средств освоения психологической личности, ее раздвоения, «диалогизации» (см. например, I 168—169, 171; ссылки на английский текст Шептсбери здесь и далее с указанием тома и страницы базельского издания 1790 года; его полное описание дается в комментарии на стр. 484).